

ПЕРСОНА

...Вбегаю в Дом музыки. Кабинет Владимира Теодоровича; о, дни, растянутые на столетия, — юбилей-юбилей!.. Для зрителя — это билеты по 1000 баксов и толкотня при входе в консу, для Спивакова — всего 4 часа на сон и... бесконечные репетиции с "Виртуозами", каждая из которых должна пройти свежо и с азартом, а не то... Именно на такую он и увлекает меня; делают "ку" в финале "Маленькой Даниелиады" Гии Канчели, а завершают веселой отточкой бисов — звучит малоизвестная "Пишущая машинка". Спиваков советуется с ударниками, какой бы инструмент взять, чтобы удачнее спародировать "вжжжик!" "Ундервуда"...

М-р ВИРТУОЗ
И ЕГО М-СИС
ВЕЧНОСТЬ

Они начинали с ЖЭКов и кочегарок. 25 лет назад. Оркестр побеждающей молодости

...Он явно устал. Две репетиции. Потом отсматривали начерно фильм про "Виртуозов" для ТВ: "Именно здесь я научился переключаться от игры аккомпанирующего оркестранта до сольного выступления, — рассказывает в кадре Юрий Башмет, — и это ему — Спивакову — нравилось. Грею душу, что вот-де сидит человек за пультом весь концерт, а на бис встает и шикарно исполняет какую-нибудь вещь! Вот такие, мол, у меня музыканты!"

— Но шикарная игра — понятие не из моего лексикона, — отзывается Спиваков.
— Ах, эти слова. Вот Бэлза давеча на концерте вообще сравнил вас с Кутузовым: "Он сдал Москву, но сохранил коллектив..." Испания была необходима?

— Такое время было, что очень многие уезжали прочь. И многие из "Виртуозов" уж было начали созваниваться с западными оркестрами. В итоге обратились ко мне с просьбой: "Мы не хотим распадаться. Нам дорого наше братство. Нет ли возможности уехать по контракту в какую-нибудь страну более или менее цивилизованную?"

— Таковой оказалась Испания...
— Да. Но тогда многие сделали карьеру на нашем отъезде. Во-первых, ниша освободилась, а во-вторых, тем, кто остался, можно было громко кричать о патриотизме. Помните, Лев Толстой в "Круге чтения" приводил слова Самюэля Джонсона о том, что "патриотизм есть последнее прибежище негодяев". Вот здесь их уместно привести. Я не хотел уезжать сам. Но идея сохранить оркестр показалась более весомой. И потом, я знал, что это не насовсем.

— Мама с понимаем отнеслась? Ведь она сразу за вами не последовала...
— Многие отнеслись с пониманием; у меня сохранилась карточка на право покупки 2 килограммов сахара и 300 граммов масла (это на меня, жену и двоих детей!). Какие еще нужны комментарии? Естественно, уезжая, свою карточку я оставил соседям. Пойду сигаретку возьму. Эта тема требует сигаретки...

— В фильме спрашивают одного из ваших музыкантов: "Виртуоз — это гордое звание?" Какие они — это уже третье поколение оркестрантов?
— Молодежь... она, конечно, иная, чем мы. Не зашорена, почти освобождена от парадигмы советской психологии. Если ее увлечь, можно добиться хороших результатов. Ведь и традиции надо развивать, не то эти традиции, как кандалы на ногах, будут тянуть назад, и больше ничего!
— По-прежнему у вас только одна женщина в оркестре!

— Я на этом не заиклен. Главное — профессионализм музыканта. Но до последнего времени женщин вообще не принимали, скажем, в оркестры Венской или Берлинской филармоний! Но, скажем, в Америке я встретил женщину-тубистку, которая играла, кстати, на тубе ленинградского производства...

— Все кому не лень говорят: "Виртуозы есть бренд".
— Я не люблю этого слова. Специально к этому не стремился. Само так вышло.
— Слово как слово: расхожее...
— Вот именно: расхожее. А я не люблю расхожее. Каждый концерт приходится доказывать свою "брендовость". И публике, и — в первую очередь! — самому себе. Если для вас не существует маленьких концертов в маленьких городах, то вы не сможете доказать "свое величие" и в большом зале...

— Я видел, как музыка Рахманинова порождала новых пианистов, а симфонии Шостаковича — дирижеров... Сейчас нет "крупной формы" в музыке.

— Искусство не развивается все время ввысь. Да, сейчас нет таких вершин, как Шостакович, Прокофьев, Шнитке... Но это не значит, что их не будет. Просто время не пришло. Пока идет аккумуляция энергии, и

Лучшие музыканты с... лучшей женщиной России.

...новобранец в Североморске.

скоро, безусловно, будет выброс. Уверен. Другое дело, совпадет ли это с моим временем...

— Столько репетиций и концертов в честь Дня Победы! Это же не тот праздник, когда что-то делается по разнарядке?..

— О чем речь! Считаю Победу своим личным праздником. Моя мама — блокадница Ленинграда, отец — фронтовик. Девятое — святой день для меня.

— Родителей нет с вами?

— Они не живы, к сожалению. Но я помню... Ведь с детства остаются не только живые воспоминания-картинки, но и запахи, ощущения... Я помню, как в Ленинграде на демонстрации 9 Мая мы шли с отцом по улице в колонне демонстрантов. Он шел, а я — совсем маленьким мальчишкой — сидел у него на руках. До сих пор чувствую под пальцами это прикосновение к шраму на его шее... Ранение на войне осколком снаряда. Он же добровольцем на фронт пошел. И сразу же (через три месяца) получил одно ранение — в шею, потом другое — в позвоночник.

— Как он к вам относился? Строг был?

— Как и каждый отец. Мечтал, чтобы сын был лучше, чем он сам. Память о родителях, их вера сопровождают меня всегда. Отец пел неплохо, а мама была пианисткой. Еще вместе с Гилельсом училась в Ленинградской консерватории. А потом с крыши этой же консерватории сбрасывала осколки немецких фугасных бомб, увозила раненых буквально на своих плечах с окраин Ленинграда. Столько наград у нее...

— Говорят, блокадники никому не рассказывают о блокаде...

— Это священная память. Поэтому я не могу слушать, когда люди говорят о блокаде всякие негативные вещи. Понятно, что было всякое, но есть святыни. Мы тут провели вместе с НФОР (Национальный филармонический оркестр) концерт в Североморске — городе, где доселе не ступала нога музыкантов-симфонистов... Видите фуражку? Командующий Северным флотом вице-адмирал Михаил Абрамов подарил. А еще тельняшку. Я сейчас в ней сплю. Очень, знаете ли, удобно в ней, уютно.

— Позвольте небольшой блиц о Спивакове-дирижере. Вот, скажем, палочка... Однажды наблюдал такую сцену: маститый дирижер вышел на сцену на Пятой Малера, забыв палочку. И послал за ней крайнего контрабасиста. Парень убежал и рыскал за кулисами в ее поисках минут 15! Я засекал!.. Вы бы до та-

кого довели?
— Нет, палочка всегда со мной. Привык. Раньше все с палочками выступали.
— Вот эта старая, неказистая?
— Да, только это мне Бернштайн подарил, так что она дорогого стоит. Талисман.
— Хорошо, а фразки? Особый шик — выйти во фраке!

— Нет, во фраках редко выступаю. И только с симфоническим оркестром, а не с камерным. И кстати, от "бабочки" я тоже отказался: горло сжимала. А на концерте бывает такой градус эмоций, что набухают вены на шее, раздуваются жилы на лбу. Если к нам подключить какие-нибудь аппараты, измеряющие давление и биение пульса, то будет сплошное зашкаливание.

— Страшно? А люди-то видят улыбку вашу.

— Страшно. Чем выше профессионал, тем выше ответственность. Которая давит ужасно. Нужно настолько отретировать, настолько выдержать четкий план, чтобы затем, от этого оттолкнувшись, воспарить. Освободиться. И такие моменты бывают. Моменты соприкосновения с вечностью.

— И зал этому способствует?

— Иногда даже чувствую, что в зале 95% людей с доброй энергией. Но есть и какие-то мешающие элементы. Недруги сидят. Которые так и ждут какой-нибудь одной непрозвучавшей ноты...

— Вы никогда не прибежали к тому, чтобы перед выступлением уединиться минут на пять в кабинете, выпить...

— Я уже прошел эту стадию. Было такое в студенческие годы: думал, как застопорить нервозность. Выпивал. Выпивал сколько-то грамм коньяка... нет, коньяка я не мог купить тогда... значит, портвейна. Портвейны, знаете ли, были: "Три семерки" или там "Спотыкач"...

— "Спотыкач", по-моему, наливка...

— Ну, не знаю. Но все это приводило к очень ме-

ханистичной игре. Так что не думаю, что это хороший метод.

— Слышал, завтра у вас "светская жизнь": с женою прожили 22 года вместе...

— Какая там "жизнь", вы же видите: репетиция на репетиции!

— У вас три дочки. Не тяжело им, имея такого папу? А то тут спрашивал у Игната Солженицына про ассоциацию на фамилии...

— Но мои дети не пошли по линии музыкантов-профессионалов. Они занимаются музыкой для общего развития; и на фортепиано, и на флейте. Как говорили древние греки, мы учим своих детей свободным искусством не для того, чтобы они давали добродетель, а для того, чтобы воспринимали ее.

— Вы перезваниваетесь с детьми?

— Каждый день.

— Сами звонят?

— И я им, и они мне.

— Что ж, наверное, это счастье. Они зависимы от вас?

— Конечно, но я стараюсь делать так, чтобы они этого не чувствовали. Скажу уверенно: у них нет избалованности. Им мало что нужно. Очень остроумны. Друг друга смешно копируют, пародируют. Я доволен своими детьми.

— Прошло то время, когда вы сами совершали безумства?

— Есть вещи, за которые мне стыдно. Но в последние лет 10 стараюсь безумств не совершать.

— Жизнь стала размеренней?

— Нет, просто становишься терпимей. Смирней. Ведь осталось меньше того, что проидено. Остались драгоценные минуты, и дорожишь ими все больше и больше. Не хочется размываться на всякую ерунду и на мелочи, из которых, впрочем, во многом состоит жизнь...

— Не всегда понятно, что есть ерунда.

— После 50 можно отличить.

— А судьба как же? Все расписано, нет?

— Судьба — это в первую очередь генетика. А потом это то, что вы сами своими руками сделали. Вот и вся судьба.

Ян Смирницкий.